

Даос Янь вытащил из рукава желтый талисман, который вспыхнул и сгорел сам собой.

Двумя пальцами он подхватил бумагу и быстро начертал пеплом на стене два крупных иероглифа: «Императорский указ».

Спустя десять секунд кровавые символы медленно растаяли.

Цзян Цзибэй пристально посмотрел на обугленную стену:

— Раз так, придется действовать по моему плану.

Даос Янь попытался его отговорить:

— Свадьба мертвых неизбежно приведет к столкновению красного и белого. Это же страшное знамение, красный...

Цзян Цзибэй медленно перестал улыбаться, его лицо стало бесстрастным:

— Я знаю.

Даос Янь опешил:

— Ты знаешь?

— Так называемый красный дух — это призрак того, кто погиб в день собственной свадьбы. Белый же дух — это душа человека, трагически ушедшего из жизни в результате несчастного случая, или, по другой версии, водяной утопленник, — Цзян Цзибэй повернулся к нему, голос его звучал спокойно. — Столкновение красного и белого — это когда духи радости несут паланкин, а белые духи-утопленники идут в траурных одеждах. Это считается сочетанием предельной радости и предельного инь.

— Великая радость и великое горе — две крайности. Если радостное шествие сталкивается с похоронным, то свадьба должна уступить дорогу смерти, — Даос Янь кивнул, и его взгляд, обращенный к юноше, изменился. — Откуда ты это знаешь?

Цзян Цзибэй усмехнулся, не отвечая прямо:

— Не будем терять времени.

Лао Сунь тут же поддакнул:

— Верно, раз уж сам Чэнь Цзи согласен...

Даос Янь с противоречивыми чувствами посмотрел на Цзян Цзибэя и тяжело вздохнул.

Он достал из-за пазухи немного денег, молчаливо соглашаясь:

— У меня есть кое-какие средства, нужно разойтись и купить вещи для ритуала. Мы не можем просто убить его, нужно взять живым, а потом запечатать магией.

Заика и Девушка с косичкой пошли вместе, а Цзян Цзибэй и Лао Сунь отправились по отдельности.

На Цзян Цзибэе все еще был погребальный саван, но Даос Янь нашел где-то старую одежду, чтобы тот переоделся. Несмотря на сильный запах плесени, вещи подошли идеально — разве что в животе было немного тесновато.

— Почему ты не спросишь, зачем я был в саване? — Цзян Цзибэй дернул край одежды на талии, делая вид, что проверяет реакцию Даоса Яня. — Тебе не кажется это странным?

— Это наверняка проделки того гнилого трупа, — не задумываясь, ответил Даос Янь. — Чтобы заключить с тобой посмертный брак, он нарядил тебя в одежду мертвеца.

— О, вот оно что, — Цзян Цзибэй улыбнулся, притворяясь, что поверил, и больше не стал расспрашивать.

Он отчетливо помнил, как очнулся в гробу за пределами родовой кумирни семьи Ся. Даос Янь явно что-то скрывал. Исчезнувшие трупы и ритуалы были неразрывно связаны с этим человеком.

Перед выходом Заика внезапно подбежал к Цзян Цзибэю и, таинственно понизив голос, прошептал:

— Б-брат, т-ты и правда из киноиндустрии!

Цзян Цзибэй приподнял бровь:

— М?

Заика показал большой палец:

— Я о-чень люблю гонконгские фильмы! И «Нового мастера зомби» тоже!

— Правда? — Цзян Цзибэй удивленно улыбнулся. — Если выберемся живыми, я приглашу тебя в кино.

Заика восторженно поднял руку:

— Д-договорились!

Цзян Цзибэй поднял ладонь и легко хлопнул его по руке.

Девушка с косичкой уже звала их от ворот, и Заика, помахав Цзян Цзибэю, побежал за ней:

— Пошел, брат, увидимся вечером!

Глядя ему вслед, Цзян Цзибэй почувствовал, как улыбка на его лице постепенно гаснет.

Столкновение красного и белого — это часть искусства Маошань, основанная на китайских народных поверьях. Самым классическим воплощением этого сюжета в истории китайского кино стал фильм режиссера Лам Чин-ина «Новый мастер зомби», где цветовая палитра, дизайн костюмов, музыка и операторская работа идеально передавали традиционную эстетику.

Из трех спутников прямолинейная Девушка с косичкой была самой легкой мишенью для допроса, Лао Сунь — типичный проныра, преследующий лишь личную выгоду. А Заика из-за своей особенности речи стал тем, кого все обычно недооценивали. Но раз он знает этот фильм, значит, действительно разбирается в кино.

Он не так прост, как кажется.

Цзян Цзибэй прогулялся по городу. Дневные улицы совершенно не напоминали вчерашнюю атмосферу — повсюду сновали люди, жизнь была ключом. Он зашел в чайную, послушал оперу, но так и не услышал ничего полезного в разговорах окружающих.

Несмотря на отсутствие новостей, он не пал духом и решил сначала купить все необходимое для Даоса Яня.

На рынке его внимание привлекла женщина, торговавшая лапшой в углу у стены. Перед ней стояло коромысло и маленькая печка, в коромысле лежали миски, палочки, сырая лапша, вялые овощи и приправы, а на печке кипел котелок с бульоном. Женщина носила черную повязку на глазу, выглядела жутковато, и покупателей у нее почти не было.

Если это фильм, то случайных персонажей здесь не бывает.

Цзян Цзибэй подошел к ней и остановился:

— Сестрица, одну миску лапши, пожалуйста.

— Сейчас, — женщина с повязкой весело подняла голову, но, увидев его, замерла. Она резко схватила его за рукав, ее губы задрожали, а глаза покраснели: — Юй...

Цзян Цзибэй приподнял бровь:

— Вы...

— Ой, простите, простите, один глаз совсем плохой, — женщина вдруг опомнилась, поспешно отпустила его и вытерла слезы рукавом. — Лапши, говоришь? Сейчас сделаю.

Она вытерла руки о тряпку и бросила в котелок горсть лапши.

— Не нужно так много, я не съем, — Цзян Цзибэй сел рядом. — Сестрица, вы меня с кем-то перепутали?

Женщина невольно обернулась и принялась рассматривать его, вздохнув:

— Ты так похож на одну мою знакомую, просто одно лицо.

— Какое совпадение. И где же она сейчас? — Цзян Цзибэй слегка улыбнулся.

Тот, кто похож на него, скорее всего, и есть наложница, которую взял в жены Ся Цзинмо.

Услышав вопрос, женщина снова прослезилась:

— Судьба у нее была короткая, пятнадцать лет назад ушла.

— Опять пятнадцать лет назад? — тихо пробормотал Цзян Цзибэй. — Я только приехал в эти края и слышал, что пятнадцать лет назад здесь случилась трагедия: у одного военачальника вырезали всю семью.

— Откуда ты знаешь? Зачем расспрашиваешь? — женщина насторожилась.

Наблюдая за ее выражением лица, Цзян Цзибэй на ходу придумал легенду:

— Я только прибыл в Канчэн, здесь все для меня чужое. В чайной услышал, как люди болтали, будто пятнадцать лет назад женщина, которую принудили к браку с мертвецом, перебила всю семью своего мужа.

Женщина вздохнула, ее лицо стало сложным:

— Пятнадцать лет назад действительно вырезали семью военачальника по фамилии Ся, но сделал это не кто-то из женщин, а старший сын семьи.

Цзян Цзибэй был удивлен, это расходилось со словами Даоса Яня:

— Ся Цзинмо?

Женщина кивнула, вылавливая длинными палочками лапшу из котелка:

— В ночь свадьбы молодой господин внезапно сошел с ума и перебил всех домашних.

— Как страшно, с чего бы ему вдруг сходить с ума? — притворился удивленным Цзян Цзибэй.

— Кто-нибудь из них выжил?

— Все погибли. Сын, убив родных, побежал на кладбище и покончил с собой, даже могилы не осталось.

— А... кто был той, с кем он женился?

— Не помню, — рука женщины с приправами замерла, в голосе проскользнуло пренебрежение.

— Помню только, что из знатного рода.

— Это была не наложница? — интуиция подсказывала Цзян Цзибэю, что женщина что-то знает.

— Ну что ты, свадьба была по всем правилам, восемь носильщиков, богатые дары, все вокруг завидовали.

— И ее он тоже убил?

— Нет, молодой господин был не из таких. Его жена сама покончила с собой в ту же ночь, бросилась в реку.

Если законная жена покончила с собой в брачную ночь, тогда кем была та наложница, о которой говорил Даос Янь?

— Были ли у него другие возлюбленные? — спросил Цзян Цзибэй. — Та моя знакомая, что так похожа на меня...

Женщина отказалась отвечать. Она поставила перед ним миску, пристально посмотрела своим единственным глазом на его живот и вдруг спросила:

— Кто дал тебе эту одежду?

— Даос по фамилии Янь, он тоже из Канчэна, недавно вернулся, — Цзян Цзибэй взглянул на свой наряд. — Ты его знаешь?

— Даос... по фамилии Янь? — женщина нахмурилась, размышляя. — Сколько ему лет? Как выглядит? Есть особые приметы?

— На вид около сорока, самый обычный человек, никаких примет.

Цзян Цзибэй следил за реакцией женщины: она не стала отрицать историю с посмертным браком.

Женщина произнесла «о» и сменила тему, начав усердно накладывать ему овощи:

— Ешь, ешь побольше, у меня тут нет ничего особенного... Нужно набраться сил...

Цзян Цзибэй усмехнулся, ответ был ясен. Он не стал больше расспрашивать и принялся за лапшу. Расплатившись, он оставил на столе несколько купюр и молча ушел. В спину ему донесся тяжелый вздох женщины.

Перед закатом Цзян Цзибэй купил клейкий рис, желтую бумагу и петуха, как просил Даос Янь, на остатки денег взял сладостей и вернулся в заброшенный дом.

После ужина все, завернувшись в новые пледы, уснули от усталости. Даос Янь тоже прислонился к колонне и закрыл глаза.

После смерти Чи Сяня Цзян Цзибэй страдал от неврастения и спал чутко. Странно, но в этот раз, стоило ему сомкнуть веки, он тут же провалился в сон.

В кошмаре он тонул в ледяном омуте. Холодная луна растворялась в воде, она заливала его глаза, нос, рот, и из горла поднимался запах крови. Его руки и ноги были скованы, он никак не мог освободиться.

Он отчаянно обернулся и увидел, что ярко-красный театральный костюм плотно прилип к его

телу, обвивая конечности. В пылу борьбы перед глазами проплыли алые струи, быстро расплзаясь в воде. Он посмотрел вниз и увидел, что кровь сочится прямо из его живота.

Живот так болел... Будто что-то рвалось наружу...

Задыхаясь, Цзян Цзибэй резко открыл глаза и проснулся. Он смотрел в обшарпанный потолок, весь в холодном поту. Когда бешено колотящееся сердце успокоилось, он откинул плед и сел.

Когда он поднял руку, рукав сполз, обнажая предплечье, на котором отчетливо проступили пятна.

Цзян Цзибэй одернул рукав и встал.

— Куда? — вдруг подал голос Лао Сунь.

Цзян Цзибэй едва не подпрыгнул. Повернувшись, он увидел, что старик спит, причмокивая губами — это были лишь слова во сне.

Он закатил глаза:

— По нужде.

— Ешь больше почек... — пробормотал Лао Сунь, перевернулся и снова задышал ровно.

В лунном свете Цзян Цзибэй на цыпочках вышел из дома. Он нашел укромный уголок, достал сумку и, полагаясь на память, обошел дом, найдя ту самую кумирню, где очнулся вчера.

Он зажег свечу, слабый огонек осветил помещение. Как и ожидалось, внутри было чисто: ни ритуалов, ни гроба, ни свечей, ни трупа Ван 0999.

Цзян Цзибэй достал из сумки миску риса и ароматическую палочку, поставил на землю, поджег палочку и воткнул в рис.

Сделав это, он отступил на два шага, скрестил руки на груди и прислонился к стене:

— Ешь.

Пепел с искорками пролетел мимо и упал к его ногам. Секунду спустя он вспыхнул зеленым пламенем.

Цзян Цзибэй прищурился. Сквозь зеленое пламя он увидел безликого человека, который сидел на корточках, загребая руками рис с пеплом и запихивая его в кровавую дыру на месте лица. Кровь и зерна падали на пол.

Когда рис закончился, Цзян Цзибэй спросил:

— Это ты вчера подтолкнул меня в спину?

Безликий замер, медленно поднял голову. Огромная кровавая дыра, в которой еще остался кусок риса с кровью и слюной, выглядела отвратительно.

— Белый рис, который Даос Янь ставил у дверей, был для тебя? Я опрокинул твою миску, поэтому ты преследовал меня, — продолжал Цзян Цзибэй. — И в кумирне ты помог мне удержать зомби — это Даос Янь убил тебя?

Не успел он закончить, как миска выпала из рук безликого. Он встал и начал приближаться, его мозг, похожий на белое тофу, слегка пульсировал, а из перерезанной трахеи донесся глухой, невнятный голос:

— Летающий якша... остановить... оживление трупов... Остановить! Оживление трупов!

Безликий вдруг пронзительно закричал:

— А-а-а-а!

Меч из персикового дерева снова пронзил его грудь. Даос Янь стоял позади, сжимая рукоять, его лицо в холодном лунном свете выглядело зловеще.

Бум!

Раздался грохот, безликий рассыпался на тысячи осколков, и пепел с призрачным свечением заполнил пространство.

Цзян Цзибэй молча смотрел на Даоса Яня. Он все слышал: «оживление трупов». Кто занимается этим? Кого безликий просил остановить?

— Этот призрак — слуга молодого господина Зомби, он преследовал меня, и я из жалости не убивал его, но он оказался навязчивым, — Даос Янь убрал меч в ножны и указал на плечо юноши. — Теперь я его уничтожил, он больше не будет тебя беспокоить.

Цзян Цзибэй взглянул на свое левое плечо — там красовались два обугленных отпечатка

ладоней. Он стряхнул их и спросил:

— Кто жил в этом доме?

Даос Янь помедлил:

— Это дом военачальника Ся. Боялся, что вы испугаетесь, поэтому не сказал...

Цзян Цзибэй улыбнулся, его лицо в свете свечи выглядело необычайно красивым. Даос Янь замер, в его глазах промелькнули сложные чувства. Он достал из рукава предмет, завернутый в желтую бумагу, и протянул юноше с заискивающей улыбкой:

— Чэнь Цзи, не бойся, это для защиты.

— Что это? — Цзян Цзибэй развернул сверток — внутри был железный гвоздь длиной около пяти дюймов.

Даос Янь бросил взгляд на живот юноши:

— Если во время свадьбы что-то пойдет не так, вонзи этот гвоздь прямо в сердце молодого господина Зомби. Запомни, только так он развеется в прах.

Эта внезапная любезность Даоса показалась Цзян Цзибэю странной.

— Почему ты не дал это остальным? — он взвесил гвоздь в руке. — И разве ты не говорил, что нужно взять его живым? Теперь хочешь, чтобы я его убил?

— Ты — приманка, тебе нужнее. Тот труп не важен, главное, чтобы с тобой ничего не случилось, — улыбнулся Даос Янь. — Талисман хоть и сгорел, но мы все еще в периоде пятнадцатилетней печати, его сила и сознание не восстановились. Нужно покончить с ним, пока он не стал летающим якшой.

— Хорошо, — Цзян Цзибэй спрятал гвоздь за пазуху. — Я возьму. Возвращайся.

— Ты... — Даос Янь хотел что-то сказать, но, глядя на спокойное лицо юноши, лишь кивнул. — Тогда и ты возвращайся, снаружи опасно, будь осторожен.

Он снова посмотрел на живот Цзян Цзибэя. Тот заметил это, но сделал вид, что ничего не понял.

Когда Даос Янь окончательно ушел, Цзян Цзибэй разжал левую руку, которую все это время

держал за спиной. На его ладони лежал тонкий, как крыло цикады, бумажный человечек. Он появился там прямо перед тем, как безликий был уничтожен.

Цзян Цзибэй посмотрел на фигурку и прошептал:

— Каким же было твоё последнее желание?

<http://bllate.org/book/21804/2256550>